

Ильина Алина Юрьевна

СТРАННИЧЕСТВО НА РУСИ

Статья посвящена феномену странничества на Руси, который рассматривается в пространственном и временном контекстах. Особое внимание уделяется страннику как объекту антропологического исследования через генезис и онтологию феномена. Также в статье уделено внимание освоению странником пространства через путь, особому мышлению странника, стержневому мотиву странничества - невозможности успокоиться ни на чем конечном вещного мира. Раскрываются интенция странника, его метафизическое свойство, без которых странничество не может реализоваться как особый объект философского исследования и социокультурный феномен.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/5/23.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 5(67) С. 92-95. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/5/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

6. Гердер И. Г. Идеи к философии истории человечества. М.: Наука, 1977. 703 с.
7. Иванов А. Н. Развитие идеи диалога в западноевропейской философии // Знание. Понимание. Умение. 2008. № 4. С. 232-236.
8. Карсавин Л. П. Философия истории. Минск: Белорусский Экзархат, 2011. 768 с.
9. Мусина Р. Н. Современные этносоциологические исследования в РТ. Казань, 2013. 316 с.
10. Резник Т. Е., Резник Ю. М. Жизненные стратегии личности. М.: Деловое содействие, 1995. Вып 2. 259 с.
11. Юдина Т. Н. Социология миграции. М.: Просвещение, 2006. 272 с.

SOCIAL ADAPTATION AS ONE OF THE STRATEGIES FOR INTEGRATING IMMIGRANTS INTO THE RECIPIENT SOCIETY (PHILOSOPHICAL ANALYSIS)

Zainullin Lenar Il'dusovich
Kazan State University of Culture and Arts
Zainullin.l@mail.ru

The article describes immigrants' adaptation into the recipient society as a complicated process of approaching the cultures of the recipient society and migrants' cultures. According to the author, in this process the mixture of cultural norms and values occurs and the recipient society tends to secure the migrants' full participation in its life. It's correct and adequate state policy of migrants' integration, which is capable to secure all the conditions to realize this tendency.

Key words and phrases: integration; social integrations; tolerance; immigrant; ethno-phobia.

УДК 124.5

Философские науки

Статья посвящена феномену странничества на Руси, который рассматривается в пространственном и временном контекстах. Особое внимание уделяется страннику как объекту антропологического исследования через генезис и онтологию феномена. Также в статье уделено внимание освоению странником пространства через путь, особому мышлению странника, стержневому мотиву странничества – невозможности успокоиться ни на чем конечном вещного мира. Раскрываются интенция странника, его метафизическое свойство, без которых странничество не может реализоваться как особый объект философского исследования и социокультурный феномен.

Ключевые слова и фразы: странничество; странник; богомольцы; культура; время; пространство; хождение; путь.

Ильина Алина Юрьевна

Нижегородский государственный университет
avesta_86@mail.ru

СТРАННИЧЕСТВО НА РУСИ

Странничество как социокультурный феномен возродилось в России в начале XVI века и приняло своеобразные формы, став одним из сокровищ русской культуры и Православной Церкви. Именно тогда появились первые предпосылки вытеснения рационалистической культуры внешних и внутренних святых православия. При Петре I стали говорить о бесполезности монастырей, появились царские указы о превращении монастырей в богадельни для увечных воинов [1, с. 32]. Тогда же начались суровые преследования подвижников, скитающихся в лесах. Осуществлялась попытка стирания из культурной памяти сведений о подвиге странничества, который считался одним из первых подвигов христиан.

В обязанности странников входило оповещение церковных общин о новых церковных порядках и соборах; они распространяли послания апостолов и апостольских мужей [2, с. 40]. Кроме того, богомольцы помогали словом и делом ссыльным и заключенным. В источниках также указывается, каким должен быть истинный странник, и даются предостережения от лжестранников.

Подвиг странничества сводится к постоянному хождению, повиновению своему духовнику, полному нестяжательству. Странничество предполагает в своем основании приобщение к ангельскому чину, отрицание земных благ и утех, духовной брани и перенесение искушений. В дореволюционной России странники и богомольцы, став на этот путь, уже не в силах были вернуться к прежнему образу жизни. Находились и такие, которые превращали богомолье в промысел и ремесло. Другие восходили на духовную высоту и становились святыми. Именно из странников вышли известные в православной культуре старцы и наставники [Там же, с. 24-25].

Священное Писание предлагает новые основания человеческого общежития, указывает путь спасения. Оно не предлагает практического преобразования мира, а указывает на идеал индивидуума, образ совершенного бытия. Этот образ не просто принимается личностью, а переживается, входит в глубины сознания, человеческой души. Это происходит в силу отбрасывания внешней принудительности.

Ни один из русских мыслителей не оставил в своих трудах без внимания страннический комплекс в характере русского человека, его страсть к физическому и ментальному перемещению. Странствуют герои А. Пушкина: «Однажды, странствуя среди долины дикой, // Незапно был объят я скорбью великой // И тяжким бременем подавлен и согбен... // И горько повторял, метаясь, как больной: // “Что делать буду я? И что станет со мной?”» [6, с. 278]. Русскому человеку свойственны внутренняя тревожность, дух беспокойства. Он идет по миру в поисках нового, ища духовных смыслов существования, Бога, взывая: «Ты создал нас для Себя, и не знает покоя сердце наше, пока не успокоится в Тебе» (Лк. 8, 5-8).

В поэзии другого русского мыслителя, поэта Серебряного века Н. Гумилева есть такие строчки: «Да, ты в моей беспокойной судьбе – / Иерусалим пилигримов, / Надо бы мне говорить о тебе / На языке Серафимов» [1, с. 13]. Мотив поиска райских островов, идеального места присутствует и в других произведениях Н. Гумилева. В рассказе «Путешествие в страну эфира» героям открываются «Острова Совершенного Счастья». В этом контексте примечателен тезис П. Чаадаева: «Взгляните вокруг... мы все имеем вид путешественников. Ни у кого нет определенной формы существования... нет ничего, что привязало бы, ничего постоянного; все протекает, все уходит, не оставляя следа ни вне, ни внутри вас. В своих домах мы как будто на постое, в семье имеем вид чужестранцев, в городах кажемся кочевниками...» [7, с. 22].

В русских народных сказках мы читаем, что Иван-царевич должен износить железные сапоги, стереть железный посох и сгрызть железный каравай в поисках суженой за тремя морями, а возвращение происходит за три дня [5, с. 79]. Оно происходит, поскольку подразумевает поиск-нахождение суженой, себе подобного индивида. Но в данном случае Иван-царевич не выпадает как странник из социального контекста, он продолжает прежнюю жизнь, потому что к ней привязан. Более того, нахождение суженой подразумевает наступление счастья семейной жизни с привязанностью к дому, быту, материальным благам. В странничестве социальный контекст полностью отпадает.

Другой русский поэт продолжает тему странников. У Сергея Орлова есть такие строчки:

«Дорогу делает не первый.
А тот, кто вслед пуститься смог,
Второй.
Не будь его, наверно,
На свете не было б дорог.
Ему трудней безмерно было –
Он был не гений не пророк –
Решиться вдруг, собрать все силы,
И встать, и выйти за порог...
И первый лишь второго ради
Мог все снести, мог пасть в пути...
Я во второго больше верю.
Я первых чту. Но лишь второй
Решает в мире, а не первый,
Ни бог, ни царь, и не герой» [Цит. по: Там же, с. 69].

Проблема заключается в том, что, если бы христианская культура осталась лишь в голове и сердце самого ее Творца, она не смогла бы приобрести реальную онтологическую и антропологическую жизнь. Чтобы стать новой основой бытия, она воплотилась в душах и сердцах людей. Разумеется, что вынос идеи за границы своего личного Христос осуществил самостоятельно. У него, как и у другого Пророка, Мухаммеда, появились ученики, последователи. Так, Мухаммед построил мечеть в Медине, установил правила и порядок намаза (ежедневной молитвы мусульман), порядок совершения хаджа. Как правило, пророки имели неплохие организаторские способности, но их жизнь часто обрывалась рано, поэтому основная работа по практическому претворению учения в жизнь ложилась на плечи «вторых». Не будь их, даже самые великие учения и идеи исчезли бы без следа. Лишь огромное число «вторых», в число которых, несомненно, входят странники, является оправданием жизни «первых», то есть пророков. Интенция пророков была подхвачена теми «вторыми», без которых их учения остались бы мертвыми.

Под духовностью можно понимать имманентную потребность человека в полноте бытия, ограниченности своего индивидуального бытия. При этом причастность к бытию, Абсолюту не уничтожает индивидуальность, наоборот, индивидуальность привносит новый оттенок в Абсолют. Как пишет русский поэт О. Мандельштам: «На стекла вечности уже легло // Мое дыхание, мое тепло... // Пускай мгновения стекает муть // Узора милого не зачеркнуть» [4, с. 170].

Реально человек жил и живет в мире обладания, для которого характерно субъект-объектное разделение. Для приобретения истинного бытия необходимо преодолеть привязанность к миру, месту обладания и сменить стратегию «иметь» на стратегию «быть». «Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, уча их соблюдать всё, что Я повелел вам...» (Мф. 28, 19-20). Мир в таком случае воспринимается не как средство, а как субъект общения. Духовность же в отношении к самому себе выражается в признании своей самооценности. Невнимание к себе можно рассматривать как увечье. Речь здесь идет о духовном, нравственном увечье, которому подвержен человек в силу своей ущербности и привязанности к материальному благу, имеющему лишь ту ценность, которую ей определил сам индивид.

Христианство и ислам отказываются от исключительной принадлежности к какой-то одной культурной среде и территории. Обе религии претендовали (и продолжают это делать) на мировое господство. Любая религия, претендующая на мировое господство, стремится преодолеть границы материнского лона и как следствие этого испытывает внутреннюю потребность в экспансии. Странничество предстает определенной формой экспансии, оно – и средство, и путь распространения учения в мировом пространстве. А освоение этого пространства начинается с хождения, с первого шага странника, который, охваченный «интенцией чистого действия», несет благое слово. Христианство и ислам, претендующие на единственность владения истиной и желающие поведать об этом другим народам, поддерживают подвиг странничества. В том числе через странничество выражается глубинная суть учений – обещанное спасение в Судный день.

Еще одна сторона странничества, характеризующая его как феномен, заключается в том, что оно является просветительно-пропагандистской деятельностью. Дело и величие странника не в том, чтобы одаривать мир новыми идеями, – это – миссия пророка, – а в том, чтобы неустанно насаждать учение Пророка. Странник – не светило, «светят» – пророки; странник «светит» не своим, а отраженным светом, но благодаря его энергии и беззаветному движению, учение пророка приобретает долгую жизнь во времени и пространстве. Странничество – это путь и форма встречи культур, и в идеале – инструмент их диалога. Правда, здесь возможен элемент навязывания своего учения по причине того, что «другие» живут во тьме, в незнании и «не доросли» до истинной веры, а потому нуждаются в просвещении.

Перед странником, таким образом, возникает проблема «культурной совместимости». Странник может (если наделен такой способностью) прочувствовать ту среду, почву, в которую он несет зерно учения. Вспомним притчу Христа о сеятеле: «Вышел сеятель сеять семя свое, и когда он сеял, иное упало при дороге и было потоптано, и птицы небесные поклевали его; а иное упало на камень и, взойдя, засохло, потому что не имело влаги; а иное упало между тернием, и выросло терние и заглушило его; а иное упало на добрую землю и, взойдя, принесло плод сторичный» (Лк. 8, 5-10).

«Все верование основано на чудесах», – говорит мыслитель, математик и физик Паскаль [Цит. по: 3, с. 85]. При этом он определял понятие чуда так: «Чудо – это действие, которое превышает естественную силу способностей, при нем употребляющихся» (такого предела силы нет для всемогущего Бога). Именно само появление чудес доказывает, что они свершаются Богом или тем человеком, который находится в единении с Богом. Странник – это индивид, который нашел чудо единения с Творцом [Цит. по: Там же]. «Где твой Бог? Чудеса Его указывают и суть сияние Его», – говорит Паскаль и тут же сочувственно цитирует св. Августина: «Я не был бы христианином, не будь чудес» [Цит. по: Там же]. Паскаль призывает к действию. В идеале оно должно быть осознанно выбранным индивидуумом, а не навязанным извне. Навязанное уже не может состояться как чудо. Странник в духовном поиске Абсолюта индивидуально творит чудо. Чтобы понять эти высшие смыслы, нужно обладать особым даром – «тайнослухом» и «тайнозрением». Одним словом, разбудить в себе то особое мышление, которым наделен индивид, но в силу своей ущербности не пытается развить. Таким слухом, по словам писателя Михаила Осоргина, обладают поэты, у которых «сердце трепещет в лад со всей мировой жизнью» [Цит. по: Там же, с. 107]. Добавим, что не только настоящие поэты обладают таким слухом, но и странники. «Остальное человечество проверяет Север по компасу, время – по часам, нравственность – по кодексу обязательных полицейских распоряжений... и все, что есть в них замечательного, указано в их паспортах» [Там же, с. 111]. Странник «не обременен» подобными вещами и другими искусственными объектами. Более того, именно инаковостью определяется конструктивная особенность странничества. Любое выделение в социокультурном пространстве вызывает у большинства настороженно-подозрительное отношение. Человек, нашедший силы и решимость на странничество, тем самым ставит себя «вне» определившегося устойчивого порядка и, через сравнение с собой, вынуждает обращать на себя внимание, «поворачивая» к себе. Странничество начинается с лучшего мышления. В этом понимании встреча странника и большинства других людей – это всегда встреча «Я» и «Оно».

В обыденной жизни человеку удобнее с правилами-рекомендациями, которые несут «укорененно»-обобщенное содержание. Глубинные мотивы такой приверженности связаны с потребностью в стабильности. Человеку органически важно, чтобы ожидаемые события реально наступали, в идеале, вовремя и в нужном месте, чтобы результаты воспроизводились. У странника подобной «тоски» не имеется. Скорее, он наблюдает лишь «тени» и «следы» подобной «тоски» и всячески пытается от них избавиться. Жизнь странника – непрерывное движение без фиксирования времени, пройденного пути, без потребности в бытовой оседлости. Что в корне, на первый взгляд, противоречит природе человека. Обстоятельства и условия диктуют человеку постоянство, исключение случайностей: именно для этого человек обустроивает пространство, жизнь, с целью исключения случайностей. Человек – существо прагматичное. В том числе и через стабильность человек выражает свою, как ему кажется, индивидуальность. Мир более или менее ему понятен. Но ведь понятный мир нереален, он выдуман кем-то и навязан. «Застрахованные» индивидуумом пространства обеспечивают защиту, уют и благополучие, но есть вероятность растворения индивидуума через выражение своего продолжения в этом уютном пространстве. И как следствие – превращение индивидуума в придаток обжитого пространства. В странничестве чужого пространства не существует по причине отсутствия отождествления человека с определенным местом. У странника отпало беспокойство за завтрашний день, и поэтому он не связан обязательствами общественно-государственного характера, но лишен гарантий защиты. Пространство предстает перед странником не как препятствие, а скорее, как настесь открытое окно. Если сторонник Парменида найдет такую жизнь абсурдной и бессмысленной, то сторонник учения Гераклита, скорее, одобрит ее.

Может показаться, что странник – одинок; он – человек суверенный, не затрачивающий силы на связи с другими, он ни от кого и ни от чего не зависит. У странника сознание имеет субъективный характер. И в каком-то смысле он может включиться в мировое сознание. А его действие может иметь объективный смысл. Такое мышление выталкивает странника с проторенного пути. Путь условно делится от момента начала и до конца. У странника подобное деление отпадает. Все, что было до начала странничества, – его оседлость, прошлая жизнь – отрефлексировано и переведено в нулевой статус. То есть в «ничто».

Только собственный путь странник сможет отрефлексировать и стать полноценным хозяином пространства. Собственно, только путь и формирует пространство. Без хождения пространство оставалось бы нереальным, мертвым. Творимое путем странника пространство – единственное, в котором он реально живет. Таким образом странник осваивает пространство.

Странник не переживает трагического одиночества, которому столь пристально уделяет внимание русская культура; странник находится наедине со всем миром. Домом странника становится его путь, а семьей ему служат все люди, вдохновением – поиск Абсолюта. Долгий путь требует силы. Жизнь в таком ритме предполагает отчуждение от времени как формы, организующей человеческое бытие. Постоянная смена картины мира формирует у странника (через особое мышление) другую структуру восприятия времени и пространства. Страннику некуда возвращаться, его жизнь не замыкается в круг. Круг рано или поздно, сомкнувшись, может «прекратить» духовное развитие человека. Религиозная культура предполагает рост по вертикали. Горизонт «создается» для ограничения мышления. Опять же, горизонт может быть обозначен кем-то и зачем-то.

Странника на Руси было принято встречать всегда радушно. Такое отношение к странникам было заповедано самим Иисусом Христом: «И вы будьте подобны людям, ожидающим возвращения господина своего с брака, дабы, когда придет и постучит, тотчас отворить ему. Блаженны рабы те, которых господин, придет, найдет бодрствующими; истинно говорю вам, он препоясается и посадит их, и, подходя, станет служить им» (Лк. 12, 36-37). В каждом страннике Священное Писание рекомендует видеть Христа или же его ангелов. Странничество как освобождение от мирской суеты также почиталось в России. Существует легенда о том, что император Александр I выбрал жизнь странника, называл себя странником Федором Кузьмичом.

Странник не гонится за временем, и оно не подгоняет его. Время для странника перестает быть временем. Странник, как и время, и вместе с ним выпадает из-под контроля. Платон назвал время движущимся образом вечности, Мерло-Понти определил вечность как застывшее время, Ю. М. Лотман считал, что вечность одета в одежды времени [Там же, с. 83]. Мироощущение странника окончательно устанавливается в долгих странствиях, оно направлено не на внешние, а на внутренние стороны времени и пространства. Странничество можно назвать врагом всего необходимого и роскошью человеческого мышления.

Список литературы

1. Гумилев Н. С. Полное собрание сочинений: в 10-ти т. М., 2001. Т. 4. 598 с.
2. Иеромонах Серафим (Парамонов). О паломничестве и странничестве. М.: АНО «Развитие духовности, культуры и науки», 2004. 156 с.
3. Касавин И. Т. «Человек мигрирующий»: онтология пути и местности // Вопросы философии. 1997. № 7. С. 74-113.
4. Мандельштам О. Э. Собрание сочинений. М.: Терра, 1991. 598 с.
5. Медведев М. В. Реформатор и миссионер: диалектика сакрального и профанного в историко-культурном ракурсе // Философское образование. 2005. № 13. С. 69-96.
6. Пушкин А. С. А. С. Пушкин – П. А. Вяземскому. 27 мая 1826 г. // Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10-ти т. М.: Правда, 1981. Т. 9. 598 с.
7. Чаадаев П. Я. Статьи и письма. М.: Современник, 1989. 134 с.

RELIGIOUS PILGRIMAGE IN RUS

И'ina Alina Yur'evna
Nizhnevartovsk State University
avesta_86@mail.ru

The article is devoted to the religious pilgrimage phenomenon in Rus, which is considered in spatial and temporal contexts. Special attention is paid to the pilgrim as an object of anthropological study through the genesis and ontology of the phenomenon. Also, the emphasis is made on the development of space by the pilgrim through the way, his/her peculiar thinking, the pivotal motive of religious pilgrimage – impossibility to rest on anything finite of the material world. The intention of the pilgrim and his/her metaphysical feature are revealed, without which religious pilgrimage cannot be realized as a specific object of philosophical research and a socio-cultural phenomenon.

Key words and phrases: religious pilgrimage; pilgrim; devotionalists; culture; time; space; walking; way.